

Studia etymologica Brunensia 1. Ed. I. Janyšková, H. Karlíková.
Praha: Euroslavica, 2000. – 375 с.

Рецензируемый сборник содержит материалы конференции (Брно, сентябрь 1999 г.), посвященной юбилею Эвы Гавловой – выдающегося специалиста в области славянского и индоевропейского языкознания, до недавнего времени руководителя одного из значительных этимологических изданий современности – “Этимологического словаря старославянского языка”. Широкий круг участвующих в сборнике ученых из разных стран, в том числе ряда виднейших славистов-этимологов, – показатель высокого авторитета Э. Гавловой и чешской этимологической школы. В сборник вошло более 50 статей по разным вопросам этимологии и смежных лингвистических дисциплин. Большая часть этих публикаций так или иначе связана с праславянской проблематикой – происхождением праславянского языка, его контактами с другими языками, реконструкцией лексического фонда, сравнительно-исторической грамматикой и т.п. В настоящей рецензии из-за недостатка места рассматриваются в основном статьи этого рода (названия статей для краткости даются лишь там, где это удобно для изложения).

Посвященная юбилею Э. Гавловой статья Ф. Славского (с. 13–15) стала одной из последних прижизненных публикаций выдающегося польского слависта. Указывая на методологическую значимость трудов юбиляра, он отмечает характерную для нее “комплексную” этимологическую обработку всех данных о слове и подчеркивает важность таких ресурсов этимологии, как история слова и данные архаичных периферийных диалектов. Эти мысли дополняются наблюдениями о происхождении и структуре польск. *winowajca*, праслав. **měsęcь*, **luna*.

О.Н. Трубачев (“Из лексических комментариев к поискам прародины славян”) излагает наблюдения, возникшие при знакомстве с этимологическим словарем албанского языка В.Э. Орла. Обнаруживается не менее двух десятков албанских лексем, ориентированных по их этимологическим связям не на южно-, а на западно- или восточнославянскую лексику: алб. *triskë* ‘кусочек дерева, стружки’ при праслав. зап., вост. **trěska* ‘щепка’ и т.п. О.Н. Трубачев предлагает объяснять подобные факты исходя из отстаиваемой им концепции “древнего совокупного обитания на Среднем Дунае **всех славян**, а не только одних южных” (с. 21). Правда, он упоминает и другую возможность интерпретации случаев типа *triskë*, а именно, их понимание как “частных выпадений из общей безусловно южной принадлежности славизмов албанского” (там же). Бесспорный тезис о диалектной сложности праславянского не устраняет самой возможности того, что южнославянские параллели хотя бы части рассматриваемых в статье албанских слов могли быть утрачены (подобные утраты обычны).

В итоговой части исследования А. Ломы о скифских элементах в праславянском (с. 333–350) приводится около сорока предполагаемых праславянских “скифизмов”, большая часть которых ранее таковыми не считалась. Оставляя в стороне скифскую часть реконструкции Ломы, следует заметить, что предлагаемые им новые скифские этимологии славянских слов, вопреки его мнению, явно проигрывают славянским этимологиям тех же слов. Представление о “скифизмах” дает словац. диал. *ložit*, с.-хорв. диал. *ložit* ‘разжигать огонь’ < праслав. **ložiti* – якобы из скиф. **lag-l*laž-* (< ? и.-е. **deg-* ‘гореть’), но в действительности, конечно, из праслав. **ložiti* ‘клясть’, ср. рус. *рас-кладывать костёр*. Праслав. **bъrdo* ‘холм, гора’, конечно, не из скиф. **bъrδ-* ‘высокий’, но метафора от **bъrdo* ‘часть ткацкого станка’. Предположение Ломы о том, что скиф. **sānya-* = ‘повозка с собачьей упряжкой (у северных соседей скифов)’, букв. ‘собачья (повозка)’, было источником праслав. **sani* ‘сани’ (< ? *‘сани с собачьей упряжкой’) заставляет задуматься, как и зачем славяне заимствовали у скифов название чуждого и тем и другим транспортного средства. А. Лома оценивает теорию Г. Хольцера о наличии в праславянской лексике киммерийского пласта как очень гипотетичную (с. 335, прим. 4). Однако его собственная “скифская” теория не более убедительна.

Г. Риков предлагает три славяно-германских лексических сопоставления (с. 351–356): ст.-слав. *оунни* ‘лучше’, ц.-слав. *оунити* ‘хотеть’ – др.-исл. *Aunmundr* (имя собственное) и др. (праслав. **u-nъ* – герм. **au-na-*, адъектив на *-no-* от того же корня, что в др.-инд. *ávaḥ* ‘милость, помощь’); праслав. **strqъ* ‘стручок, стебель’ – др.-исл. *stranga-* в сложении *strangaviðr* ‘ствол дерева’, норв. диал. *strange* ‘палка’ (< и.-е. **stronko-* от **stre-n-k-* < ? *(*s*)*terk-/*(s)trk-*, ср. укр. (*с*)*торчати* ‘торчать’); праслав. **strqka* (с.-хорв. *стрѹка* ‘прядь, нить’ и др.) – др.-исл. *strengr* ‘веревка, канат’ < прагерм. **stranzi-*.

Г. Хольцер (“Балто-славянская лексика в звучаниях 600 г. н.э.”) предлагает новые основания балто-славянского лексического сравнения, приуроченные к переломному для развития праславянского языка периоду. Предлагаемая им фономорфологическая транскрипция заметно отличается от используемой в праславянских словарях и, что весьма существенно, является симметричной: с балтийской стороны привлекаются факты, с которых сняты такие фонетические напластования, как латышская *l*-эпентеза, развитие лит., лтш. *ō* > *uo*, *ē* > *ie*, действие закона Лескина и т.п. Примерами предлагаемых Хольцером “Lautungen” могут служить следующие (в скобках даются реконструкции, используемые в ЭССЯ): праслав. **ačī* (**oči*) – лит. **akī* > *akì* ‘глаза’, праслав. **ōšī* (**uši*) – лит. **ausī* > *ausì*, праслав. **awičejnā* (**ovъčina*) – лит. **awikēnā* > *avikiena* ‘баранина’, праслав. **dūmī* (**dymi*) – лит. *dūmai*, лтш. **dūmaj* > **dūmi* ‘дым’. Специалисты, вероятно, могут оспорить детали, но в целом предложения Г. Хольцера вполне рациональны.

Исследование Р. Эккерта (с. 145–152) посвящено восточнославянским устойчивым речениям (преимущественно фольклорным) типа летописного *розутулизути робичича* и их параллелям в латышском фольклоре – *kājas ait*, букв. ‘обуть ноги (в знак покорности)’, *kāju āvejiņa/-ņš* (уменьш.), букв. ‘обувательница/-ник ног’. Восточнославянские имена деятеля, аналогичные лтш. *āvejiņa/-ņš*, судя по данным Р. Эккерта, не зафиксированы, но, воз-

можно, еще отыщется рус. *роз-уя (наподобие *швея* при лтш. *šuveja*¹), ср. нечто похожее в вят. *розуй* 'неряшливый человек' (СРНГ 35, 166).

Статья Р. Орра о славянских рефлексах и.-е. *ag- 'гнать' (с. 311–316), по существу, заранее обречена на неудачу, поскольку опирается на крайне сомнительные и по методике, и по результатам труды Р. Анттилы, посвященные "глобальному" анализу индоевропейских корней и "перегонке" балто-славянских слов в прибалтийско-финский². Выявляемые Орром вслед за Анттилой "лакуны" в звеньях мнимых славянских рефлексов и.-е. *ag- (вместо правильного *ag'- у Анттилы) не могут претендовать на убедительность: рус. *ягода*, *яглая* (земля), праслав. *naglъ с "N-mobile" и др.

Справедливо напоминая о существовании резервов этимологизации, связанных с "нерегулярными фонетическими и морфологическими преобразованиями", Ж.Ж. Варбот предлагает основанное на использовании этих резервов новое истолкование ряда славянских фактов (с. 45–50), в частности, праслав. *gostъ(jь) 'густой' < ? *gut-тъ(jь) с -u- > -q- под влиянием *čestъ(jь) 'частый', ср. *густой лес* = *чаща*. Для одной из этимологий может быть предложена альтернатива: рус. олон. *огунять* 'поправиться' не из *ob-gutnqti, а фонетический вариант к *окунять, ср. *выкунеть* 'обрасти шерстью; возмужать', сев.-рус. *окунеть* 'обрасти волосами, шерстью' (СРНГ 23, 174).

Отнюдь не возражая против самой возможности ложной декомпозиции как явления славянского словообразования, приходится, однако, констатировать, что ни один из приводимых В.В. Мартыновым примеров (с. 157–162) на это явление в праславянском не может быть признан вполне надежным: *gněvъ 'гнев' < *o-gněvati < *огнь 'огонь'; *strěla 'стрела' < *o-strěti < *ostrъ 'острый' и др.; в *g-nězdo усматривается протетическое g-, что тоже не очевидно.

Основной целью многих статей является обоснование этимологии определенных славянских слов. Некоторые из толкований в той или иной степени гипотетичны (ср. ниже знак "?"), на что указывают сами их авторы: ст.-слав. *бракъ* (исходно 'пир') ? < др.-булг. *bork < тюрк. *bor* 'вино' (Л. Мошинский, с. 79–90); болг. Шумен *гамбтя* 'ворчать' < праслав. *gam-, ср. рус. *гам* и др. (Т. Тодоров, с. 123–126); праслав. *gъrdъ 'гордый, страшный и др.' (исходно 'гневный'?) < ? и.-е. *gъher- 'горячий', ср. лтш. *guĩds* 'усталый, утомленный' (Л. Кралик, с. 305–310); ст.-чеш. *řepicě* 'вид посудыны' < řar 'посудина, желобок' (+ суффикс -icě) < праслав. *reръ 'трубка' (Х. Карликова, с. 117–120); чеш. *chatř*, ст.-чеш. *katř* 'домишко', словац. (диал.) *kotrč* 'хибарка, лачуга', *koterec* 'хлев' < ? праслав. *kot(e)ръсь, ср. *kotъсь 'закут' (И. Рейзек, с. 329–332).

Гипотезу о происхождении этнонима *čech* 'чех' (ср. ЭССЯ 4, 33–35) из усеченного *čeledin* 'слуга' Й. Кноблех подкрепляет ссылкой на толкование (В. Махек) праслав. *čel'adъ < *če- (префикс с усилительным значением) + *lěud-, ср. лит. *liūdīs* 'народ' (с. 227–228). Трудно согласиться, что оно является "вполне убедительной этимологией" (с. 227). Не убеждает объяснение чеш. *břečť'an* 'плющ' и т.п. (ср. *brъščl'anъ/-erъ в ЭССЯ 3, 59) из и.-е. *bhereg'h- 'высокий', откуда будто бы и лат. *frāxinus* 'ясень' (В. Колари, с. 51–56). Кашуб. *potema* 'пир, забава', выводимое Х. Поповской-Таборской из *pot-ima < ? балто-слав. *pōti- < и.-е. *pō(i)-/*pī- 'пить', ср. лит. *puotà*

‘пир’ < ‘возлияние’ (Х. Поповска-Таборска, с. 75–77), сталкивается с контрверсией, предложенной В. Смочиньским при обсуждении ее доклада: *poteta* < н.-нем. *rôte maken*³.

Некоторые из чешско-силезских этимологий В. Шаура (с. 247–251) позволяют дополнить лексический материал праславянской реконструкции, например, силез. *rojít* ‘ругаться’ < **rojitu (se)* ‘роить(ся)’. Сходные дополнения – но на специфическом материале русских аргологических названий похмелья, водки, пьяницы – предлагаются в статье К. Лешбер (с. 217–222), например, рус. *боду́н* ‘похмелье’ (ср. с *бодуна́*) < ? **hodunъ*, к **bosti* ‘бодать’.

Серией из 8 этимологических этюдов (происхождение праслав. **ędro* ‘ядро’, **kǫlbъ* ‘сустав’, **lěto* ‘лето’, **lisъ/-a* ‘лис/-а’, **loza* ‘лоза’, **modrъ(jь)* ‘голубой’, **morvъjъ* ‘муравей’, **perъturъ* – вместо **netopyrъ* ‘нетопырь’), возникших по преимуществу при работе над “Этимологическим словарем старославянского языка”, В. Блажек отвечает на адресованные этому словарю упреки в недостаточной оригинальности (с. 357–364). Ответ убедителен, хотя конкретные этимологии и вызывают ряд сомнений. Возведение праслав. **ędro* к **en* ‘в(нутри)’ + **dr(y)o-* ‘дерево’ опирается на лтш. *īdrs* ‘сердцевина’, греч. (Гесихий) ἔνδρουον. Однако, подлинно ли *īdrs*? Реальные же лтш. *īdrs, idra* ‘гнилая сердцевина дерева’ не могут быть связаны с **ędro*. Сложные сопоставления праслав. **lěto* с италло-кельтским материалом (лат. *latus* ‘сторона’ и др.) абсолютно неубедительны. Предложенное Блажеком описание этимологических связей (особенно албанских, балтийских) праслав. **loza* подлежит серьезным коррективам на основании трудов В.Э. Орла и А.В. Дыбо⁴.

И. Рейнхарт предлагает этимологии 4 старочешских слов: *movitý* ‘могущественный, состоятельный; подвижный’; *povlovný* ‘мирный, приветливый’; *šetřiti* ‘принимать во внимание, рассматривать’; *tbáti* ‘заботиться’ (с. 105–115). Толкования двух последних слов совершенно новые: *šetřiti* < **chět-* (< **ksojt-* < и.-е. **skojt-*, ср. лит. *skaitýti* ‘считать, читать’) > праслав. южн., вост. **šēt-* > ст.-слав. по-~~сѣтнѣти~~; *tbáti* < *tha* ‘забота’ < праслав. **tъ-ha* < и.-е. **teu-* ‘защищать’. В случае с *thati* считавшаяся вторичной форма на *t-* оказалась реликтом, пролившим свет на происхождение широко распространенных форм на *d-*: польск. *dbać*, укр. *дбáти* и др.

Привлекая данные периферийных славянских диалектов, М. Фурлан обосновывает реконструкцию праслав. **ovъсь* м.р. наряду с **ovъса* ж.р. ‘овца’, а также древнюю грамматическую, недиминутивную функцию *-ko-* в этих лексемах (с. 163–171). Х. Плевачева исследует возможные продолжения фитонима **odoiěнь* (с. 267–269). Сходные задачи в связи с праслав. **smyk-* решает Л. Демитрова-Тодорова, отгалкивающаяся от анализа болгарских диалектизмов типа *смикове* ‘шерстяные полоски (украшение)’, *смѣква* ‘вид веревки’ (с. 173–175). Некоторые из приводимых ею фактов, в том числе рус. *смык* ‘смычек’, не исключают **sъ-myk-*, что стоило бы огорчить.

Новое истолкование орнитонима **hьrgьlězъ*, **hьrgьlъ* Х. Дейкова предлагает описанием шести моделей номинации поползны (с. 235–245). Исходной формой признается **hьrgьlъ*, трактуемое как дериват от **berg-/*hьrg-* ‘беречь’ (‘птица, берегущая свое гнездо’), что близко к одной из описанных моделей, а именно, к названиям типа болг. *зидáрка*, букв. ‘строитель (гнезда)’.

Анализ определенных тематических групп славянской лексики под различными углами зрения осуществляется и в ряде других статей сборника.

Е. Русек дает сводку сведений о географии, истории и происхождении (чаще неясном) адъективов в значении ‘красивый’ (с. 137–143). В статье П. Вальчаковой (с. 261–265) рассматриваются некоторые названия выпечки и мотивирующие их глаголы – **gъhati* ‘сгибать’, **krqiti* ‘крутить’ и др. Тут же привлекаются заимствования вроде рус. *струдель*, но о мотивированности можно говорить лишь в отношении их источников, ср. нем. *Strudel*, букв. ‘водоворот’ (метафора по сходству).

Работа К. Херей-Шиманьской об индоевропейских элементах в славянской анатомической терминологии (с. 177–182) интересна прежде всего отраженными в ней разработками из еще не опубликованных томов “Праславянского словаря”. Судя по статье, в VIII томе, как и в предшествующих, не учитываются результаты исследования А.П. Непокупного⁵, в том числе обоснование диалектных сходжений между праслав. **griva* и лтш. *grīva* (не *grīva*, как у К. Херей-Шиманьской).

И. Янышкова (“Отражение жизни и представлений славян в названиях можжевельника”) описывает типы мотивации исследуемых фитонимов, попутно делая ряд интересных наблюдений о параллелизмах наподобие макед. *смрделика* – нем. *Stinkholz*. Интереснось концептуальными и этнографическими импликациями анализа лексики, И. Янышкова, пожалуй, несколько переоценивает “когнитивные” возможности описываемых ею мотиваций. Так, мотивация ‘можжевельник’ < ‘пахучее растение’ (ср. выше *смрделика*) указывает на свойства можжевельника, но еще не на представления о нем славян. Исследовательница привлекает польск. диал. *kadyk* и близкие балтизмы, но если у них и может быть мотивация, то лишь народно-этимологическая, ср. *kadzić* ‘кадить’. Утверждать, что прус. *kadegis* ‘можжевельник’ отражает “ритуальную практику окуривания” не совсем осторожно, поскольку балтийская лексема, по всей вероятности, прибалтийско-финского происхождения (Топоров. Прус. яз. I-K 115–116). Неубедительны аргументы И. Янышковой в пользу первичности значения ‘ветвь’ у праслав. **xvojal-jь* ‘хвоя’, опирающиеся на предложенное В. Махеком спорное сближение с др.-инд. *vayū* ‘ветвь’. Весьма существенна в то же время выделенная И. Янышковой мотивационная доминанта – перенос названий хвойных деревьев на можжевельник. Уместно упомянуть в этой связи удм. *сусьпу* ‘можжевельник’ < ‘кедр’, ср. коми *суспу* то же (Лыткин-Гуляев 267).

Л.В. Куркина (“Понятие границы в системе пространственных представлений древних славян”) анализирует существенный фрагмент праславянской картины мира, включающий концепты ‘межа’ (**medja*), ‘знак присвоения’ (**zname*) и т.п., формирование которых связывается с “ранней формой земледелия” (с. 134). При общем правдоподобии этого вывода он как будто не срабатывает в случае с праслав. **měiti* ‘помечать’: принимаемое в статье сближение с гот. *maitan* ‘рубить, резать’ проблематично фонетически (слав. -*t*- и гот. -*t*-).

В ряде статей сборника доминирует проблематика сравнительно-исторической грамматики славянских языков. Г. Шустер-Шевц излагает уточненный вариант его собственной теории происхождения праслав. **x/ch*

(с. 23–36). Основной тезис автора в том, что и.-е. **k'* дало в праславянском не только **s*, но и **x*. Примеры, которые можно расценить как прямые подтверждения этого тезиса (вроде праслав. **xoldъ* и лит. *šáltas* ‘холодный’) немногочисленны и небесспорны. Исходя из допущения, что всякий случай развития и.-е. **k'* > праслав. **x* имеет внутриславянские корреляты с рефлексами и.-е. **(s)k* или **g* (и **g'*), Г. Шустер-Шевц тем не менее привлекает обширный материал. Так, сближение н.-луж. *chotuj* ‘плуг’, рус. *кол* и польск. *golina* ‘ветвь без листьев’ оказывается – несмотря на отсутствие каких-либо указаний на и.-е. **k'* – подтверждением того, что начальный согласный в н.-луж. *chotuj* и в реконструируемом Г. Шустер-Шевцом праслав. **xal-/xol-* восходит к и.-е. **k'*-. Подобная аргументация, конечно, неубедительна. В своих этимологических процедурах Г. Шустер-Шевц, к сожалению, опирается главным образом на приблизительное сходство сравниваемых слов, практически не принимая во внимание детали их географии, формы и значения, а также те ранее предлагавшиеся этимологические решения, которые объясняют исследуемый материал более органично. Не всегда вполне корректна сама подача материала, как, например, в случае с “*russ. choluj* ‘Fischzaun’”. Ареал этого диалектизма, его ударение, природа конечного *-уй* оказываются, по существу, неважными. Между тем, особенностям сев.-рус. *хóлуй* ‘закол для ловли рыбы’ вполне удовлетворяет финно-угорская этимология, в общих чертах изложенная и в словаре М. Фасмера.

Б. Островский (“Праславянские основы на *-i-* в свете данных других индоевропейских языков”) касается, в частности, возможности существования праславянских *neutra* на *-i-*: праслав. **dobъ* (ср. **doba* ‘пора’), **očъ*, **ušъ* (ср. **oko* ‘глаз’, **uxo* ‘ухо’), **sъrdъ* (ср. праслав. **sъrdьce* ‘сердце’ < **sirdi-ka-*). В. Сова (“Сочетания согласных и греко-славянское сравнение”) исходит из положения о ярко контрастной судьбе кластеров в сравниваемых языках. Опираясь на индоевропейский (особенно балтийский) фон, он анализирует несколько греко-славянских сравнений – и хрестоматийных (например, праслав. **sъnъ* – греч. *ύτνος* ‘сон’) и более или менее проблематичных (праслав. **kosъ* – греч. *κόψυχος* ‘дрозд’).

Анализ славянских обозначений порядка, упорядоченности **redъ*, **čerda*, **ladъ*, **kl'udъ* приводит Я. Влайич-Попович к выводам системного порядка: указанные имена на *-dъ* – deverбативы от глаголов **rediti*, **čerditi*, **laditi*, **kl'uditi* и т.п., где *-d-iti* соответствует литовским глаголам на *-d-yti* (с. 191–199). Все это, однако, очень спорно. Исследовательница может привести балтийский коррелят лишь для **kl'uditi*, но даже при наличии связи с лит. *kliudyti* ‘наткаться’ речь идет о независимых образованиях. Праслав. **čerda*, имеющее близкие индоевропейские параллели, несомненно, первично по отношению к **čerditi*. Если *-d-* в **čerda* и восходит к **dhē-* ‘класть’ (ср. Топоров. Прус. яз. I-K 321), то отнюдь не очевидно, что того же происхождения лит. *-d-* в *-d-yti* и соотносимое с ним *-d-* в именах типа лит. *saṁdas* ‘наем’. Последнее считалось древним сложением *saṁ-* + *da-* < **dhē-* (как и праслав. **sъdъ* ‘суд’), но теперь объяснено как инновация: *saṁdas* < *samd-as* < *pasi-sam-d-yti* ‘нанимать’⁶. Соглашаясь с отдельными наблюдениями Я. Влайич-Попович (например, указанием на деривацию праслав. **ladъnъ(jъ)*, рус. *ладный* от **laditi*, а не от **ladъ*), основных ее выводов принять нельзя.

Проблемы лингвогеографии, изоглоссных связей также оказались затронутыми в сборнике. Ареальные аспекты семантической реконструкции в статье Г. Цыхуна (с. 201–207) рассматриваются на основе понятийного аппарата (“инновационная зона”, “диффузная зона”, “системная инновация” и др.), действие которого иллюстрируется анализом семантических процессов в лексемах **gora* ‘гора’, ‘лес’, и ряде других. При ознакомлении со статьёй И.И. Лучиц-Федорца о моравско-белорусских изолексах (с. 229–234) выясняется, что в действительности она посвящена чешско-белорусским изолексам “с выходом” на смежные и прочие славянские диалекты. В одних случаях такие “добавочные” лексические параллели в статье отмечаются, в других – нет, что видно уже по двум первым приводимым в статье примерам: наряду с чеш. (северо-восточные говоры) *obuj* и блр. (северо-западные полесские говоры) *обуй* ‘обувь’, существует не упоминаемое автором статьи великорус., сиб. *обуй* (ср. *любой*, *крой* вместо *любовь*, *кровь* на Рязанщине⁷); наряду с приводимыми в статье моравск. *jasno* и блр. *ясна* следует учитывать и укр. *ясна*, полаб. *jsna* ‘десны’ (SP VI, 14–15). Представляется, что И.И. Лучиц-Федорец несколько злоупотребляет тезисом о центральном положении моравских и белорусских говоров в “праславянской ареальной структуре” (с. 230). Отдельный вопрос: разве польск. *szczyt* и др. из **skurz* (с. 231)?

М. Якубович возвращается к проблеме создания словаря семантических параллелей как средства контроля за анализом значений в этимологии (с. 209–215). Указанная проблема ставилась неоднократно (например, в трудах О.Н. Трубачева и Э. Гавловой). Беда в том, что дальше постановки дело не идет. Исключением является, если не касаться знаменитого труда К.Д. Бака, лишь незавершенный словарь И. Шрёпфера⁸, не упоминаемый М. Якубович. Важным источником семасиологических и ономасиологических данных являются этимологические словари, в которых подобные данные применяются особенно широко (например, ЭССЯ).

С явлениями семантического параллелизма связана и статья И. Немца (с. 37–42), посвященная описанию встречающегося в ряде языков переноса названий маски (обрядовой) на демона, черта и далее на ряженого, шута. Эта интересная семантическая модель не обеспечивает, к сожалению, надежности поддерживаемой в статье трактовки праслав. **čbrty* (к др.-в.-нем. *scrato* ‘маска-пугало’?)⁹ и рус. *скоморох* < ? праслав. **sko-morskъ*, ср. рус. *мопущить*.

Несколько слов о других статьях. Характеризуя “Старочешский словарь”, М. Гомолкова на обширном материале демонстрирует роль его данных для исторической лексикологии и этимологии (с. 67–73). Л. Чижмарова описывает роль (вспомогательную) этимологических справок в “Атласе чешского языка” (с. 283–286). О разрушении с помощью данных того же атласа загадки чеш. диал. *š’astné dřevo* ‘лиственница’, букв. ‘дерево счастья’ (ложная калька с нем. диал. *Geläckbaum*, понятого как *Glückbaum*), пишет С. Клоферова (с. 277–281). П. Неedly приводит аргументы в пользу омонимической трактовки В. Махеком ст.-чеш. *hýřiti* I ‘грешить’ и *hýrati*/**hýřiti* II ‘распутничать’ (с. 223–226). Эта трактовка, в том числе этимология *hýřiti* I < ср.-в.-нем. *irren*, все же оставляет сомнения.

В сборнике представлены также статьи “Опыт статистической оценки и.-е. наследия в общеславянской лексике” (А. Эрхарт), “Этимология – син-

хронная дисциплина” (И. Краус), “К этимологии нем. *Graf*” (Б. Выкипел), “Рус. диал. *vándьш* – значение и этимология” (В. Тенхаген), “Проблемы этимологизации арготической и сленговой лексики” (Б. Скалка) и ряд других.

В целом, сборник дает неплохое представление о состоянии и тенденциях развития славянской этимологии. Не вызывает сомнений его высокий в целом научный уровень. Присоединяясь к поздравлениям в адрес Э. Гавловой, хочется надеяться, что удачно начатое издание станет регулярным, а круг его участников (и стран-участниц) расширится.

Примечания

- ¹ *Эккерт Р.* Именные средства выражения в славянских и балтийских языках (Nomina agentis вместо verbum finitum) // Этимология 1997–1999: К 70-летию О.Н. Трубачева. М., 2000.
- ² *Анттила Р.* Недостающие звенья в лексических цепочках: ПереГОНка балто-славянских слов в прибалтийско-финский и их сКОЛки//Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997, 109–127. Ср.: *Хелимский Е.А.* Uralo-Indogermanica: балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей // Там же, 234–237.
- ³ *Варбот Ж.Ж., Куркина Л.В.* Хроникальные заметки // ВЯ 2000, № 2. 158.
- ⁴ *Orel V.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1988, 211, s.v. *lajthi*; *Дыбо А.В.* О названиях орешника в индоевропейских языках Европы // Общеславянский лингвистический атлас: исследования и материалы 1985–1987. М., 1989, 110–111.
- ⁵ *Непокупный А.П.* Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.
- ⁶ *Smoczyński W.* Litewskie wyrazy typu *iñdas, āpstas* oraz typu *samidās* / Балто-славянские исследования 1998–1999. М., 2000, 170–171.
- ⁷ *Будде Е.Ф.* Рец. на кн.: Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1921 // *Селищев А.М.* Избранные труды. М., 1968, 620.
- ⁸ *Schröpfer J.* Vergleichendes Wörterbuch des Sinnwandels. Onomasiologie. Bd. I. Lief. 1–8. Heidelberg. 1979–1989.
- ⁹ Ср.: *Дукова У.* Праслав. **čьrtъ* ‘черт, злой дух’ / герм. **skrat-* ‘лесной дух, черт’ // Этимология 1982. М., 1985.

А.Е. Аникин

Т.Б. Лукинова. Числівники в слов’янських мовах (порівняльно-історичний нарис). Київ, 2000

Книга Т.Б. Лукиновой в настоящее время является самым полным и самым основательным сравнительно-историческим исследованием категории числительных в славянских языках.

Книга состоит из Предисловия и следующих глав: 1. Число и культура (подробное культурологическое введение в исследование); 2. Числительные образования адъективного характера, где рассматриваются: 1) порядковые числительные **pyrvъ* – **desęť*; 2) количественные числительные